

28/11/90

Слава — это солнце мертвых, так со свойственным ему высокопарным красно-речем выразился однажды Наполеон.

За эффектным жестом стоит разглядеть глубокий смысл. Как невозможно затмить солнце, так нельзя и «замолчать», затенить ушедшего гения, рано или поздно его духовный свет все равно рассеет любую вкусовую или идеологическую облачность.

Но вот ведь что интересно, солнце ведь не нуждается в нашей помощи и в нашем поощрении, радоваться его теплу и свету мы можем, но влиять на него не в наших силах.

То же и с истинной художественной репутацией, с великим творческим наследием — можно им поклоняться, можно черпать из них идеи и образы, можно ориентироваться на их эстетическое и моральное совершенство, изучать их и осмысливать. Но вот раздувать, рекламировать это естественное, силой таланта завоеванное общественное признание, возможно ли это? Что добавят ушедшему мастеру, сумевшему, несмотря ни на что, выразить себя и свое время со всей возможной полнотой, посмертные регалии, запоздалые лавры, чествования и почести задним числом? Нуждается ли сгоревший на собственном огне

Сов. кинематограф. - 1990. - 28 апр. - с. 1

ЦК КПСС и Совет Министров СССР поддержали предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР о присуждении Ленинских премий 1990 года.

ВДОГОНКУ ВЕЧНОСТИ

Не всегда подлинное признание приходит к художнику при жизни. Но искупаем ли мы свою вину перед талантом, когда присуждаем премии умершим?

художник в таком не поспевшем вовремя официальном поощрении? И нет ли в этом поощрении безотчетного, быть может, желания присоединиться, присоседиться к славному имени, вот, мол, и мы не какие-нибудь ретрограды, в свое время не сумели оценить, зато уж теперь, не стесняясь с затратами, воздаем должное?

Вот такие и прочие сомнения приходят на ум в связи с тем, что уважаемый Комитет по Ленинским и Государственным премиям удостоил в этом году высокой награды только двух художников и обоих посмертно — Кайсына Кулиева и Андрея Тарковского.

Что говорить, по-человечески понятно намерение восстановить справедливость по отношению к двум замечательным мастерам, один из которых испил горькую чашу унижения вместе со своим изгнанным с родной земли народом, а другой, отчаявшись найти на Родине достойное применение своему дару, сознательно выбрал судьбу трагически-благополучного изгнанника.

Но ведь общество, не дожидаясь никаких официальных постановлений, уже отдало дань глубочайшей и к тому же чрезвычайно живой, неиссякаемой признательности не только данным двум создателям шедевров, но и

72

Премии присуждены:

Кулиеву Кайсыну Шуваевичу, народному поэту Кабардино-Балкарии (посмертно) и Тарковскому Андрею Арсеньевичу, народному артисту РСФСР, режиссеру (посмертно).

которые и без того «живее всех живых», или же, как говорится, инстанциям, которым хочется безошибочно продемонстрировать широту воззрений и официальное благородство?

Некоторая нравственная неточность подобных награждений сквозит, на наш взгляд, еще и в том, что ныне действующие мастера искусств как бы лишаются перспективы. Недавние их произведения, еще не достигшие в общественном сознании ранга бесспорного шедевра, всегда будут проигрывать в сравнении с теми романами, стихами, фильмами, скульптурами и симфониями, которые за чертой вечности уже обрели характер не подвластных времени ценностей. Быть может, задача комитета — своим высококомпетентным решением как бы предвосхищать всенародное признание, а не подводить ему покорно итог?

Между прочим, на многих выдающихся романистов и поэтов читающий мир по-настоящему обратил внимание только после присуждения им Нобелевской премии. А присуждать ее посмертно Эрнесту Хемингуэю или, скажем, Антуану де Сент-Экзюпери, право же, никому не придет в голову.

А. М.